

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право словъ!“

ПАМЯТИ

ЛЮНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА

Ш И Ш К О.

СОДЕРЖАНІЕ:

- Два портрета Л. Шишко.
1. *Ф. Волховскій. Л. Шишко (біографическій очеркъ).*
2. Заявленіе осужденныхъ по процессу 193-хъ.
3. *Л. Шишко. Изъ воспоминаній прошлаго.*
4. *Его же. Письмо Жоресу.*
5. *Его же. Къ вопросу объ организаціи.*
6. *Ст. Слезовъ. Списокъ работъ Л. Э. Шишко.*
7. Похороны Л. Шишко.
8. Рѣчи на могилѣ Л. Шишко.
9. Письма и телеграммы.

1910.

Изъ воспоминаній прошлаго.

Весною 1873 г. я былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ письмомъ отъ Сергія Кравчинскаго. Кравчинскій сообщалъ, что петербургскій кружокъ, о существованіи котораго я до тѣхъ поръ только догадывался, приглашалъ меня вступить въ число своихъ членовъ. Это былъ кружокъ чайковцевъ. Зимой 1873 г. я провель въ Петербургѣ и видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Я былъ въ это время въ Технологическомъ Институтѣ, но ужъ рѣшилъ сдѣлаться народнымъ учителемъ. Идея необходимости сближенія съ рабочими массами носилась тогда въ воздухѣ. Вскорѣ послѣ Рождества я бросилъ занятія въ Институтѣ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у меня былъ близкій товарищъ. Мы послали въ два или три десятка писемъ съ предложеніемъ занять мѣста народныхъ учителей и ждали отвѣта. Въ это самое время пришло письмо Кравчинскаго, и я немедленно выѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ были даны адресъ квартиры на Саратовской улицѣ, тогда еще немощенной, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ и деревянными долами. На квартирѣ меня встрѣтили высокій юноша съ густыми рыжими волосами, падавшими на высокій лобъ, и блѣдая дѣвушка съ очень уминымъ лицомъ. Это были Чарушинъ и Анна Дмитріевна Кушнинская. Они оба были изъ Вятки. Анна Дмитріевна числилась студенткой женскихъ медицинскихъ курсовъ, только что открывшихся при Медико-Хирургической Академіи. Выѣстѣ съ Перовской, сестрами Корниловыми и Ободовской, она входила въ составъ кружка чайковцевъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя одні изъ первыхъ перешагнули страшный порогъ, о которомъ говорилъ Тургеневъ. Когда я узналъ ее, она уже вела занятія съ рабочими Выборгской Стороны. Знакомства съ рабочими начались у кружка чайковцевъ еще съ 1871 года. На частныхъ квартирахъ устраивались нѣчто вродѣ вечернихъ классовъ, на которые приглашались рабочіе. Зимой 1872 года на Выборгской Сторонѣ былъ нанятъ отдельный домикъ Байкова, куда ежедневно стекалось по нѣскольку десятковъ рабочихъ. Съ ними занимались чтеніемъ, ари-

метикой, географией и в то же время приглядывались к ним, знакомились ближе с наиболее выдающимися из них, одаренными божьей искрой. Из таких образовывались более тесные группы, которые посвящались в самые общиye черты, в идеи кружка. Одна из таких избранных групп собиралась по вечерам на квартире Чарушина и Кувшинской, когда я приехал в Петербург. И до сих пор помню некоторых из этих рабочих: помню Григория Крылова, — страстная и самоотверженная натура, равнявшаяся на подвиги; помню Ивана Ивановича, бывшего тапача, зачисленного пропагандистом еще в воскресных школах 1861-62 гг.; помню молодого и дерзкого Абдуллова, сдержанного Ефима... Бесѣдами и чтением на этих небольших вечерах собраний руководили главным образом Чарушин, но Анна Дмитриевна вносила в них много своего личного отношения. Умная и ошестившая, она хорошо различала индивидуальные особенности каждого из рабочих, и с каждым из них у нее устанавливались простые и правдивые отношения. Но были ранней жрицей рабочего движения. Представителями его являлись отбывавшие единицы, как бы оторванные от окружавшей их массовой среды. Эта окружавшая их массовая среда была тогда еще на очень низком ступени общественнаго развития: ей нужна была даже самая мысль о возможности какого-нибудь участия в общественной жизни. Знакомая с социалистами, работавшая вперемежку с совершенно новыми для них вопросами, она переносила, как бы сгущенным в другое время, от пропагандиста требовались немалые способности, чтобы соответствовать этому духовному перевороту. Вот почему такие крупные люди, как Кравчинский, Кривошанин, Киселев, Купренев, Анатолий Сердюков, уходили близкою к работе, привнесшему, помимо того, столь незначительные результаты. С точки зрения современных условий, достигнув с большими усилиями приобретения двух или трех десятков сознательных рабочих, вряд ли даже заслуживало бы особого упоминания; но в то время это были первые драгоценные ростки, положившие начало рабочему движению. Большое значение этих первых шагов хорошо сознавалось в то время, и влияние кружка чайковцев никогда не оспаривалось.

Этот кружок представлял как бы тесную товарище-

скую семью. Все члены его были связаны между собой личною дружбою, безусловно вѣрили в полную преданность каждого из них. Личная жизнь слиялась для них с общим заветным делом. Подбор членов кружка на почве полной искренности и безраздѣльности стремлений создал группу лиц, столь родственных между собой по духу, что личная привязанность и самая тѣсная дружба возникали между ними как бы по долгу.

Вскорѣ по приѣздѣ в Петербург, я уже горячо полюбил Чарушина и Анну Дмитриевну и мы составили как бы отдѣленіе Выборгской Стороны по занятію съ рабочими и ежедневно встрѣчались другъ съ другомъ. Затѣмъ в самомъ началѣ 1874 г. Чарушинъ былъ арестованъ, а вскорѣ послѣ него была арестована и Анна Дмитриевна. Началось долгое, почти четырехлѣтнее тюремное заключеніе. Увидѣлись мы снова только во время суда, въ концѣ 1877 г., а въ іюлѣ 1878 г. я, Чарушинъ и Синегубъ были отправлены на Кару, причемъ Анна Дмитриевна, уже обитавшая тогда съ Чарушинымъ, поѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Мы пробыли тамъ до дѣла 1881 г. Эти три года были полны самыми тяжелыми впечатлѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они окрашены многими дорогими воспоминаніями. Намъ было тогда еще мало на Каріе каторгѣ — человекъ 12, причемъ пятеро изъ насъ принадлежали къ кружку чайковцев (Чарушинъ, я и Синегубъ съ женой). Но приѣздѣ, мы нашли тамъ Е. С. Семановскаго и С. П. Богданова, которые были привезены за годъ до насъ. Кроме того тамъ находились Н. Г. Успенскій, осужденный въ 1871 году по печальскому дѣлу, и его жена, Александра Ивановна, служившая акушеркой при тюремной больницѣ. Затѣмъ были еще А. О. Союзновъ, А. Т. Квятковскій, А. Н. Вибергалъ и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ нами приѣхала на Кару Е. К. Бремковская, но оставалась тамъ только два или три мѣсяца, а потомъ была увезена на поселеніе.

Первые мѣсяцы по приѣздѣ на Кару мы провели въ тюрьмѣ, хотя по общимъ тюремнымъ правиламъ могли бы уже быть выпущенными на вольныя квартиры, такъ какъ срокъ нашихъ каторжныхъ работъ, согласно приговору суда, долженъ былъ считаться со дня нашего ареста, т. е. съ 1874 года. Комендантомъ Каріекихъ каторжныхъ тюремъ былъ тогда В. О. Кононовичъ. Это было довольно рѣдкое явленіе въ оф-

фициальномъ мірѣ. Человѣкъ съ большими способностями, умный и развитой, онъ отличался гордымъ и независимымъ характеромъ. Встрѣчаясь съ людьми другого круга и другого образа мыслей, онъ умѣлъ цѣнить въ нихъ то, что заслуживало уваженія, — въ такихъ случаяхъ признанный закономъ и даже обязательный для него мѣрки отходили на второй планъ. При насъ на Карѣ была группа уральскихъ казаковъ, сосланныхъ за волоченіе, бывшій въ 1874 г. Это были убежденные люди, жертвы политическихъ преслѣдованій. Вопреки всѣмъ тюремнымъ уставамъ, Кононовичъ не сталъ держать ихъ въ тюрьмѣ и устроилъ имъ болѣе сносное существованіе, назначивъ ихъ сторожами при казенныхъ магазинахъ. Встрѣтившись съ политическими заключенными, онъ вскорѣ раздѣлилъ въ нихъ болѣе близкія себѣ по духу людей, чѣмъ окружающее его общество казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него Евгений Степановичъ Семяновскій. Это было во всѣхъ отношеніяхъ выдающийся человѣкъ — выдающийся по уму, по образованію, по силѣ общественнаго чувства и по силѣ сознанія неприкосновенности своей личности. Онъ горячо любилъ рабочій народъ. Онъ бросилъ все, бросилъ любимого отца, бросилъ личное счастье, карьеру, и пошелъ, вмѣстѣ съ другими, съ низкими кибиточниками — но ни за какія идеальныя блага онъ не отказался бы ни отъ одной малѣйшей частицы своего человѣческаго достоинства. Сознаніе неприкосновенности своей человѣческой личности было дорожкой для него жизни. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и хорошо владелъ собой; онъ просто и спокойно отстаивалъ свои требованія, когда они касались этой святости для него, но пошелъ бы въ отставленіи ихъ до конца. Во время его пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, по дорогѣ въ Кару, его, одѣтаго въ арестантскій халатъ, встрѣтили на тюремномъ дворѣ полковникъ Соловьевъ, адъютантъ иркутскаго генералъ-губернатора, надменный гвардейскій офицеръ. Постѣдовалъ вопросъ: „Какъ фамилія?“ Зная, что передъ нимъ политическій арестантъ, Соловьевъ намѣренно избѣгалъ мѣстоименія. „Чья?“ — спросилъ его Семяновскій. „Какъ фамилія?“ — уже угрожающе загремѣлъ Соловьевъ. „Чья?“ — снова и также спокойно повторилъ Семяновскій, причемъ смотрѣлъ Соловьеву прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было столько внутренней силы и рѣшимости, что Соловьевъ не выдержалъ и прерывающимся голосомъ произнесъ: — „Ваша“. Эта небольшая сцена очень характерна. Семяновскій отлично понималъ серьезность положенія; если бы Соловьевъ не сдался, дѣло кончилось бы неминуемой катастрофой. Въ этомъ отношеніи Семяновскій былъ хрупкая натура, не жилище на этомъ свѣтѣ. И онъ действительно скоро погибъ, не кончивъ срока каторжныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, Кононовичъ сталъ хлопотать чрезъ Забайкальскаго губернатора о примѣненіи къ политическимъ заключеннымъ общаго тюремнаго правила, по которому вторая половина срока проводится каторжниками на вольныхъ квартирахъ. Разрѣшеніе было получено черезъ годъ, но Кононовичъ не успѣлъ освободить насъ изъ тюрьмы своимъ властью. Онъ освободилъ насъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ и освободилъ отъ всякаго внимательства въ нашу жизнь мѣстной полиціи. Онъ былъ полнѣйшимъ хозяиномъ въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, гдѣ были расположены по теченію рѣки Карты пять или шесть огромныхъ острововъ, наполненныхъ тысячами каторжниковъ. Здѣсь онъ представлялъ собою высшую власть и не могъ встрѣтить никакого сопротивленія своимъ распоряженіямъ; но отсюда могли сыпаться и действительно вскорѣ посыпались на него доносы.

И вотъ послѣ долгаго, почти пятилѣтняго тюремнаго заключенія наша маленькая товарищеская группа оказалась на полной свободѣ въ предѣлахъ даннаго далекаго уголка. Мы могли вдоволь наслаждаться роскошной мѣстной природой, съ ея жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ ея красивыми совками, съ ея огромными смолистыми лиственницами, съ ея необыкновеннымъ богатствомъ цвѣтовъ. У насъ были книги, были хорошія воспоминанія; насъ связывали хорошія дружескія отношенія; у насъ была молодость, были силы, были не только неразрушенные, а даже и непоколебленные общественныя стремленія. Но мы были плѣнниками. Далекая Россія, къ которой рвался всѣ наши мысли, казалась намъ недосягаемой мечтой. Въ насъ не было той душевной усталости или политическаго разложенія, при которыхъ даже и ссылка, обставленная сколько нибудь сносными условіями, является какъ-бы тихимъ пристанищемъ. Это активное настроеніе, этотъ избытокъ энергіи, при встрѣчѣ съ окружающей насъ общественной пустыней, производили диссонансъ, который накладывалъ мучительный от-

печаток на наше существование. Всего сильнее ощущалось это на Семяновском. Онъ трудно переносилъ ссылку. Его большія способности, его страстное стремление быть полезнымъ своему народу какъ бы переполняли его тоскующее сердце, не находя выхода. Мысль объ уходящихъ безцельно годахъ терзала его; но только въ рѣдкія минуты и только самымъ близкимъ друзьямъ онъ высказывалъ свое скрытое настроеніе. Обычно же онъ казался очень спокойнымъ и даже оживленнымъ. Онъ былъ болѣе дружнаго центромъ нашей небольшой колоніи. Къ нему обращались за совѣтомъ: онъ велъ переговоры съ Кононовичемъ по поводу какихъ-нибудь столкновений съ мелкимъ мѣстнымъ начальствомъ; съ нимъ чаще всего заводились теоретическіе разговоры.

Анна Дмитриевна также нелегко перживала наше вынужденное интеллигентное отшельничество. Въ ней также всегда были очень живы общественныя стремленія. Какъ ни была она прилепана къ своей семьѣ, но семья никогда не наполняла ея существованія. И тѣмъ болѣе продолжалась ссылка, тѣмъ явнѣе она мирилась съ ней. Позднѣе, когда она жила въ Читѣ, а затѣмъ въ Керчи, эта неудовлетворенность придавала какой-то хроническій тоскливый оттѣнокъ ея настроенію. Она была въ числѣ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и при большихъ семейныхъ заботахъ провели въ непримиримости, черезъ всю свою долготѣльную ссылку и умственные запросы и потребность въ общественной жизни.

Вскорѣ она познакомилась съ женой Кононовича, и это знакомство было началомъ той дружбы, которая связала ихъ впоследствии, когда семья Кононовича оказалась одно время въ очень драматическомъ положеніи. У Анны Дмитриевны было умѣнье знакомиться съ людьми. Она привлекала ихъ къ себѣ своимъ умомъ и своею большою психологической чуткостью. Съ нею легко было быть откровеннымъ, такъ какъ можно было быть увѣреннымъ, что она не задѣнетъ болѣзненно ни одной нашей чувствительной струны. Въ ней было много изящества и потребности въ красотѣ. Она всегда умѣла придать привлекательный видъ своей домашней обстановкѣ, даже при жизни въ убогихъ карійскихъ квартирахъ съ выбѣленными извѣсткой стѣнами: у нея въ домѣ всегда было хорошо и уютно...

Такъ жили мы въ теченіи почти двухъ лѣтъ въ своемъ тѣсномъ кругу, среди дикой природы, отрѣзанные отъ остальнаго міра. До насъ доносились слухи о Петербургскихъ событіяхъ 1879 и 1880 годовъ, поражающихъ насъ рѣзкимъ переломомъ по сравненію съ характеромъ движенія начала 70-хъ годовъ. Будучи оторванными отъ движенія съ 1874 г., мы не пережили сами всѣхъ условій, вызвавшихъ этотъ переломъ, а потому вначалѣ невольно ясно представляли себѣ психологію дѣятелей послѣдняго періода. Только позднѣе, встрѣтившись съ ними лично, можно было уловить сущность новаго настроенія. Тѣмъ временемъ на Кару начали прибывать политическіе, осужденные по процессамъ 1879 года, изъ Кіева и Одессы. Для нихъ были приспособлены одинъ изъ старинныхъ остроговъ, вскорѣ насчитывавшій уже около сотни заключенныхъ. Для женщинъ была назначена небольшая особая тюрьма — та самая, въ которой мы провели первые мѣсяцы по приѣздѣ на Кару. Среди заключенныхъ женщинъ находились П. Арефельдъ — бывшій членъ нашего кружка, М. Ковалевская, С. Лешеръ, Кутитовская и др. Въ мужской тюрьмѣ сидѣли Волошенко, Попко, Стеблинъ-Каменскій, Михаилъ Родионовичъ Поповъ, Жуковъ, Юрковский и многіе другіе, которыхъ уже нѣтъ больше.

Вскорѣ намъ пришлось познакомиться со всѣми ними, такъ какъ нашему полу-идиллическому пребыванію на каторжныхъ работахъ былъ положенъ конецъ. Въ концѣ декабря 1880 года Кононовичъ получилъ распоряженіе, шедшее отъ Лорисъ-Меликова, — прекратить перенеску политическихъ съ родственниками и уничтожить по отношенію къ нимъ освобожденіе на вольныхъ квартирахъ. Онъ долженъ былъ снова посадить насъ въ тюрьму.

Это неожиданное распоряженіе оборвало ту тонкую нитку, на которой съ трудомъ удерживалась для Семяновскаго его жизнь въ ссылкѣ. Идти снова въ тюрьму онъ не захотѣлъ и рѣшилъ умереть. Онъ давно уже былъ истерзанъ внутренне пылкимъ лишеніемъ свободы. Къ этому лишенію свободы онъ не могъ привыкнуть; онъ чувствовалъ его непрерывно, ежедневно. Каждое утро, поднимаясь съ постели, смотря на сверкающее солнце, на мирную природу, онъ зналъ, что онъ лишенъ на вѣки правъ, что онъ запертъ, какъ звѣрь въ клетку. Онъ не могъ свыкнуться съ этимъ положеніемъ. Въ немъ

не было той упругости, которая позволяет человеку, при данных обстоятельствах, в силу практической необходимости, перейти на низшую ступень существования. Он остался до конца тем же гордым и непоколебимым, каким вступил на избранный им путь; он сошел в могилу с токою в сердце, с жадной жизни, но с сознанием, что той жизни, какую ему предлагали, он не хочет. Одним из смертельных ударов, нанесенных ему, было лишение переписки с родными. Он горячо любил своего старого отца, жившего в Косте. Между ними были не только родственная привязанность, но глубокое взаимное уважение. Мысль, что у него отнята возможность обмениваться хотя изредка письмами с любимым отцом, которому уже недолго оставалось жить, лишение этой простой человеческой потребности, это сознание себя до такой степени в чужих руках перевернуло всю его душу. Перед ним рисовалась перспектива еще долгой, трезвильней острожной жизни с кандалами, с Забайкальскими казаками, ссмотрителями... и он с тяжелой мыслью о неотвратимом несчастье „почтительнейше вернул свой билет“.

Семановский жил в квартире Чарушиных. Утром в тот день, когда нас должны были отвезти в тюрьму, в его комнату раздался выстрел. Его нашли уже мертвым; на столе лежало его предсмертное письмо к отцу и братьям. Письмо это трудно читать без слез на глазах.

Мы пошли в острог, а жены остались хоронить мертвеца, могилу которого затеряна теперь вместе со многими другими. Кононович отказался от места Карийского коменданта и был переведен в Нерчинск начальником Нерчинского каторжного округа.

Обустроенный по большому процессу оставалось до окончания срока только несколько месяцев. Летом 1881 года Чарушины, Снегуб и я были переведены на поселение, причем Чарушины, пробыв некоторое время в Чите, переехали затем в Нерчинск, где и прожили лет 5 или 6. Здесь они опять встретились с Кононовичем и вскоре еще теснее сблизившись с ним. Как старшему военному чину в Нерчинске, Кононовичу была подана нерчинскими жителями жалоба на многолетнее злоупотребление при рекрутских приемах в местном воинском присутствии. Дело шло о столь обычном в Сибири взяточничестве. Исправник, вместе с по-

лицмейстером, учредили бюро, через которое за известную плату можно было откупиться от воинской повинности. Сношения велись через посредство какого-то фактора из бывших уголовных ссыльных. Кононович по своему обычаю взялся за дело с большой энергией и скоро должен был арестовать, как несправника, так и полицмейстера. Зная, с кем иметь дело, он все следственные бумаги держал у себя на дому. И вот, в одну ночь, двери его дома были приперты снаружи колыями, а самый дом подожжен. Кононович с семьей едва успел выскочить из огня, бумаги все сгорели.

После этой трагической истории семья Кононовича пришла на некоторое время принять у Чарушиных, среди общего отчуждения от нем местной публики. Дело приняло одно время такой оборот, что уже Кононович попал под негласное следствие, во обвинению в том, что он в силу политического радикализма умышленно дискредитирует полицию.

По воспитанию и привычкам Кононович далеко не был демократом. Кроме того, в течение долгой службы, он усвоил на многое более или менее бюрократический взгляд. Сначала он видел в политических просто дураков, заслуживающих человеческого обращения, причем проводить грань между политическими и интеллигентными и политическими из рабочих: „я понимаю, что у вас могут быть свои идеи—говорить он кому то из нас—но скажите пожалуйста, что общего между вами и Союзом?—Союзом был московский рабочий. Впоследствии Кононович и об Иване Осиповиче Союзом отзывался не иначе, как с глубоким уважением“.

Эта большая перемена во взглядах произошла под влиянием близкого столкновения с людьми другой среды и другого мировоззрения. Когда я встретился с Кононовичем в Чите, в 1884 или 1885 году я нашел в нем уже не чиновника коронной службы. Официальная складка исчезла; передо мной был просто умный человек очень прогрессивных взглядов.

Это один из примеров того влияния, какое могло оказывать в частности общество Анны Дмитриевны. Это была одна из тех женщин, самая личность которых производила известное обаяние на окружающих: около нее всегда

были люди, подчиняющиеся невольно ее облагораживающему влиянию. Въ этомъ отношеніи тяжелая и въ значительной мѣрѣ изолированная жизнь Анны Дмитриевны, не дававшая возможности развернуться всѣмъ таившимся въ ней силамъ, не прошла безслѣдно; тѣ, которымъ пришлось встрѣтиться съ нею, не забудутъ ее горячихъ рѣчей, ее чуткой отзывчивости, ее способности привлекать другихъ къ заботамъ, выходящимъ изъ круга житейскихъ интересовъ. Загорѣвшаяся въ ней съ молодости искра божія уже не угасала.

Тяжела была ее жизнь. Много горя, много тяжелыхъ потерь, много могилъ было разсыпано на ея пути. Но если подумать о той мѣстѣ лучшихъ привязанностей, лучшихъ человѣческихъ чувствъ, лучшихъ воспоминаній, которыя связываются съ этой жизнью, то невольно приходитъ на память предсмертное письмо Семановскаго. Несмотря на всю тоску и муку, приведшія его къ роковому концу, онъ все-таки звалъ своихъ младшихъ братьевъ слѣдовать его пути; лучшего не отыщется въ этомъ мірѣ.

Л. Шинко.

Письмо Жоресу.

Дорогой товарищъ! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу Вашего обращенія къ русскимъ социалистамъ въ „l'Humanité“ отъ 4 текущаго февраля. Позвольте мнѣ прежде всего поблагодарить Васъ за то истинно-дружеское участіе, которое сквозитъ въ каждой строкѣ Вашей статьи. Это именно дружеское участіе заставляетъ Васъ видѣть для насъ возможность теперь-же отказаться отъ „les methodes surannées d'un terrorisme plein de perils et de pièges“ и направить всѣ свои силы исключительно на развитіе социалистической дѣятельности въ рабочихъ массахъ.

Съ этого именно, какъ Вы знаете, и началась наша социалистическая дѣятельность болѣе 30-ти лѣтъ назадъ. Медленно, шагъ за шагомъ, мы пробивались къ рабочимъ массамъ — и вотъ достигли, наконецъ, того, что, пробужденныя отъ вѣкового сна, русскія рабочія массы жадно стремятся теперь къ сознательной жизни и къ осуществленію своихъ человѣческихъ правъ. Чтобы судить о силѣ ихъ идейныхъ запросовъ, достаточно вспомнить о тѣхъ миллионахъ социалистическихъ брошюръ, которые разошлись среди нихъ въ теченіе тѣхъ немногихъ мѣсяцевъ, когда свобода печати фактически существовала въ Россіи. Появившіяся тогда социалистическія газеты очень скоро приобрѣтали сотни тысячъ подписчиковъ; издательство популярныхъ брошюръ сдѣлалось однимъ изъ самыхъ выгодныхъ предприятий; авторскій гонораръ въ этой области доходилъ до 500 франковъ за печатный листъ. Способность къ организованной борьбѣ русскихъ рабочихъ массъ была доказана въ это время множествомъ огромныхъ профессиональных союзовъ, которые возникали какъ-бы по мановенію волшебной палочки.